

МОРСКОЕ ПИРАТСТВО КАК КОНВЕНЦИОННОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Пиратство традиционно рассматривается как классическое международное преступление *jure gentium*, на которое распространяется универсальная юрисдикция согласно международно-правовому обычаю [1]. Пираты издавна объявлялись врагами рода человеческого — *hostis humani generis*. Вместе с тем пиратство является «конвенционным» преступлением (*treaty crime*), то есть транснациональным преступлением, относительно которого действуют договорные международно-правовые нормы [2]. То обстоятельство, что пиратство является и обычно-правовым, и конвенционным транснациональным преступлением, ставит перед его исследователями непростую задачу установления соотношения между этими правовыми концепциями.

Понятие пиратства в международном праве не имело четких параметров и постоянно эволюционировало. Критерии преступной деятельности, именуемой пиратством, обсуждаются в доктрине международного права в течение нескольких веков [3]. С XVII столетия международное право, преимущественно, определяло пиратство как «любой акт ограбления в открытом море, не санкционированный государством и совершенный в духе враждебности» [4]. В 1917 г. Н. А. Захаров писал: «К числу... преступных деяний, наказуемых согласно обычаю международного права, относится столь распространенный ранее, но встречающийся и поныне морской разбой, или пиратство, под именем которого понимается вооруженное нападение, совершенное частными лицами в открытом море на корабль, с целью захвата этого корабля, находящегося на нем груза, или же лиц, плывущих на нем. Пиратским судном может быть лишь частное судно, не имеющее от отечественной государственной власти специального разрешения на производство осмотра и захвата судов в открытом море, и поэтому действующее в интересах личной выгоды» [5].

Необходимость кодификации норм о пиратстве была очевидной уже в XIX столетии. Доктринальные проекты соглашений о борьбе с пиратством разрабатывались, в частности, такими известными учеными, как Фиоре (1890) и Блюнчли (1876). В сложных политических условиях начала XX века процесс кодификации норм о борьбе с пиратством приобрел крайне сложный и противоречивый характер. 1926 году Лига Наций учредила подкомитет экспертов для подготовки кодификации «международного права пиратства». Через год проект положений о пресечении пиратства, известный как «Matsuda Draft», был подготовлен, что, однако, не привело к принятию конвенции [7].

Процесс кодификации, инициированный Лигой Наций, побудил Гарвардскую школу права к тому, чтобы начать свою научно-исследовательскую работу, которая послужила весомым вкладом в формирование международно-правовой концепции пиратства. Группой высококомпетентных экспертов был разработан документ, получивший широкую известность как Гарвардский проект

соглашения о пиратстве («Harvard Draft Convention on Piracy») 1932 года [8], комментарии к которому содержали глубокий анализ международно-правовой доктрины, практики и национального права относительно пиратства [9]. Гарвардский проект оказал значительное влияние на развитие понятия пиратства, сформулированного впоследствии Комиссией международного права [10].

Серьезным отступлением от содержащейся в Гарвардском проекте международно-правовой интерпретации пиратства стало подписанное и вступившее в силу в сентябре 1937 г. Нионское Соглашение, участниками которого были такие крупные державы, как Болгария, Великобритания, Греция, Египет, Румыния, СССР, Турция, Франция, Югославия. Этот договор в своей преамбуле содержал следующее заявление: «Принимая во внимание, что в связи с испанским конфликтом в Средиземном море были совершены подводными лодками повторные нападения на торговые суда, не принадлежащие ни одной из сторон борющихся в Испании; что эти акты являются нарушением правил международного права, изложенных в IV части Лондонского договора от 22 апреля 1930 г., об уничтожении торговых судов, что они противоречат самым элементарным принципам человечности и что они должны быть по всей справедливости квалифицированы как акты пиратства (*should be justly treated as acts of piracy*) [11]. В Дополнительном соглашении к Нионскому Соглашению, статье II, говорилось: «Настоящее Соглашение применимо ко всякому нападению, произведенному в Средиземном море на какое-либо торговое судно, не принадлежащее ни одной из воюющих в Испании сторон, каким-либо надводным кораблем или воздушным судном, не считающимся с принципами человечности, освященными международным правом, при войне на море, изложенными в части IV Лондонского договора от 22 апреля 1930 года и подтвержденными Протоколом, подписанным в Лондоне 6 ноября 1936 года» [12].

Нионское соглашение свидетельствует о серьезных расхождениях в понимании содержания пиратства как международного преступления. Трудности согласования определения пиратства отразились на процессе выработки этого понятия Комиссией международного права [13]. Обсуждение понятия пиратства выявило существенные расхождения в правовых и политических позициях [14]. Тем не менее, Первая конференция по морскому праву 1958 г. приняла Конвенцию об открытом море, включавшую восемь статей о пиратстве. Согласованное определение было включено впоследствии в Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.

В ст. 101 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. (Конвенция ЮНКЛОС) содержится следующая формулировка: «Пиратством является любое из перечисленных ниже действий: а) любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный: I) в открытом море против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту; II) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то

ни было государства; b) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом; c) любое деяние, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусмотряемого в подпункте (a) или (b)».

Широко распространено мнение, что эта формулировка отражает международно-правовой обычай, определяющий пиратство как преступление *jure gentium*, в силу чего понятие пиратства и нормы о допустимости универсальной юрисдикции в отношении него имеют правовое значение для всех государств, вне зависимости от того, являются ли они участниками указанных договоров [15].

Так, Д. Джулфойл не видит существенных различий между преступлением пиратства, как оно определено в договоре и в обычном праве [16]. В то же время, А. П. Рабин, глубоко изучив историю пиратства и борьбы с ним с глубокой древности, заключил, что понятие пиратства как преступления против общего международного права не построено на достаточно последовательной практике [17]. Многие специалисты настаивают на том, конвенции содержат только частичную кодификацию обычного права о пиратстве. По их мнению, данное определение носит сугубо договорный характер и не соответствует в полной мере обычно-правовому представлению о пиратстве, а содержащиеся в них нормы, касающиеся пиратства, связывают только их участников [18].

Остановимся на двух важных параметрах конвенционного определения пиратства, которые ограничивают его рамки. К ним относятся место совершения преступления — *locus delicti* (преступление совершается «в открытом море» и *specific intent* — указание на личные цели нападающих («private ends»).

Первое ограничение — относительно *locus delicti* — касается пространственной сферы пиратства. Для характеристики объективной стороны преступления важно указание на место его совершения: «в открытом море против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту»; «против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства».

Пиратство является транснациональным преступлением, то есть преступлением, которое подпадает под юрисдикцию более чем одного государства [19]. Исключительность пиратства как транснационального преступления состоит в том, что оно совершается в экстерриториальных водах — открытом море (то есть на территории с международно-правовым режимом), и, в то же время, на судне — то есть на «квазитерритории» государства флага судна. Это не означает, однако, что в отношении таких преступлений отсутствует совпадение двух и более национальных юрисдикций. Государство флага судна не является единственным государством, юрисдикция которого распространяется на такие деяния. Наряду с ним, на осуществление своей уголовной юрисдикции могут претендовать государства, обладающие юрисдикцией на основании активного пер-

сонального принципа, пассивного персонального принципа, защитного и, что особенно важно, принципа универсальности.

Деяния, перечисленные в статье 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, могут получить различную квалификацию в зависимости от места их совершения. *Locus delicti* предопределяет их разграничение на две группы: 1) признаваемые пиратством (если совершены в открытом море); 2) не признаваемые пиратством — так называемый «вооруженный разбой в отношении морских судов» — «armed robbery against ships» (если совершены в пределах государственной акватории).

Хотя с точки зрения формального толкования Конвенции пиратство может быть совершено только в открытом море, а такие же действия в территориальных водах — это разбой на море, фактически эти преступные акции между собой не различаются и имеют схожие негативные последствия для потерпевших. Тем не менее, для целей международного сотрудничества различие в месте совершения деяния весьма существенно, поскольку предопределяет различные юрисдикционные полномочия государств. Противодействие вооруженному разбою на море является, в первую очередь, обязанностью прибрежных государств, которые нередко не заинтересованы или не имеют достаточной возможности выполнять эту обязанность. Преступники понимают особенности юридической интерпретации их действий и зачастую успешно пользуются этим, сознательно уклоняясь от открытого моря, где преступления подпадают под понятие «пиратство», что позволяет задействовать более мощные способы борьбы с ними [20].

Распространение мер, допустимых в открытом море, на территориальные воды, как это произошло в отношении побережья Сомали, вызывает изменения в «географии» пиратства: так, если большинство нападений, совершенных сомалийскими пиратами, первоначально происходили в пределах 50 морских миль от побережья Сомали, то из-за усиленного морского патрулирования в этом регионе в 2009–2010 годах нападения совершались в пределах более 1000 морских миль от побережья — в Индийском океане и даже в территориальных водах Кении, Мадагаскара, Сейшельских Островов и Объединенной Республики Танзании [21].

Универсальное конвенционное определение вооруженного разбоя против судов пока не принято. 29 ноября 2001 г., на своей 22-й сессии, Ассамблея Международной морской организации, признавая серьезную угрозу для охраны человеческой жизни на море, безопасности на море и защиты морской среды, которую создают акты пиратства и вооруженного разбоя против судов, приняла резолюцию А.922(22) о Кодексе практики расследования преступлений, связанных с пиратством и вооруженным разбоем против судов. Кодекс содержал определения понятий «пиратство» и «вооруженный разбой против судов». В отношении пиратства Кодекс ограничивается указанием на то, что «пиратство» означает незаконные действия, как они определены в ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. «Вооруженный разбой против судов», для целей Кодекса, был определен как «любой незаконный акт насилия, задержания или

любой грабеж либо угрозу такого акта, иного чем акт пиратства, который направлен против судна или против лиц или имущества на борту такого судна и совершен в пределах юрисдикции государства в отношении таких преступлений».

Следует обратить внимание на то, что приведенное определение содержит указание на признак, ограничивающий вооруженный разбой против судов от пиратства: разбоем названы действия, совершенные «в пределах юрисдикции государства». Таким образом, юрисдикционный критерий разграничения между пиратством и вооруженным разбоем против судов был сформулирован в самом общем виде, оставляя поле для различных трактовок понятия территории, находящейся «в пределах юрисдикции государства», в частности, в отношении исключительной экономической зоны [22].

Эта двусмысленность устранена в новой редакции Кодекса практики расследования преступлений, связанных с пиратством и вооруженным разбоем против судов, от 2 декабря 2009 г. [23]. Вооруженный разбой против судов определен в ст. 2 (2) как «любой незаконный акт насилия, задержания или любой грабеж либо угроза такого акта, кроме акта пиратства, совершаемый с личными целями и направленный против судна или против лиц или имущества на борту такого судна и совершенный в пределах внутренних вод, архипелажных вод и территориального моря. Вооруженный разбой против судов составляет также любое действие, подстрекающее к такому акту или умышленно облегчающее его совершение» [24].

Конвенционное определение вооруженного разбоя в отношении морских судов содержится в Региональном соглашении о сотрудничестве в борьбе с пиратством и вооруженным разбоем против судов в Азии (РЕКААП) [25]. Оно соответствует понятию, которое содержится в принятом 26–29 января 2009 г. на совещании высокого уровня Международной морской организации в Джибути «Джибутийском кодексе поведения в отношении пресечения пиратства и вооруженного разбоя против судов в западной части Индийского океана и Аденском заливе» [26]. Этот документ, не будучи юридически обязательным, является важным региональным механизмом сотрудничества в противодействии пиратству и вооруженному разбою на море. Генеральный секретарь ООН признал его «основным инструментом в деле развития регионального потенциала в области борьбы с пиратством» [27].

Второе ограничение, содержащееся в ст. 101, состоит в том, что нелегальные акты насилия, задержания или грабежа рассматриваются как пиратство только в том случае, если они совершены с «личными целями». Такое ограничение дает серьезное основание для дискуссии [28].

Есть достаточные основания полагать, что это требование сформировалось в ответ на необходимость разграничения каперства и пиратства и означает, что, в отличие от каперства, действия, составляющие пиратство, не санкционированы государством, не совершаются по его предписанию, то есть предпринимаются «без должных полномочий» в частных, то есть негосударственных, целях.

Некоторые авторы полагают, что указание на «частные цели» исключает из концепции пиратства нападения на правительственные суда повстанцами во время гражданской войны. Другие, напротив, трактуя «частные цели» как отсутствие должных полномочий, исходят из того, что акты восстания или мятежа можно рассматривать как пиратские, так как лица, совершающие такие акты, в любом случае, не могут быть уполномочены суверенной властью [29].

Понятие личных (или частных) целей не тождественно понятию корыстных интересов, хотя, безусловно, включает их. Как видно из конвенционного определения, собственно корыстное проявление пиратства — «акт грабежа» (*act of depredation*) названо лишь третьим в перечислении возможных действий, составляющих объективную сторону пиратства. Первым назван любой неправомерный акт насилия (*any illegal acts of violence*), вторым — любой неправомерный задержания (*detention*).

В любом случае, следует признать, что конвенционное определение пиратства, содержащееся Конвенции 1958 года об открытом море и Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, отражает международно-правовой консенсус относительно этого понятия, сложившийся в условиях острой идеологической конфронтации государств второй половины XX века. Однако генезис становления пиратства как преступления *jure gentium* показывает, что на протяжении всей истории пиратства мотивация морских разбойников не ограничивалась целями личного обогащения и включала в себя весомые политические компоненты.

Эволюция юридической концепции пиратства *jure gentium* не завершена: ее распространение, в соответствии с современными реалиями, на политически мотивированные акции, увеличивает расширяет возможности международного сотрудничества в борьбе с вооруженным захватом морских судов, в силу чего является желательным и исторически обоснованным.

Концепция пиратства *jure gentium* является международно-правовой правовой основой универсальной юрисдикции. Безусловно, это — чрезвычайно важная функция, дающая эффективный механизм пресечения пиратства. Для того, чтобы универсальная юрисдикция была распространена на все акты захвата морских судов в открытом море, в том числе имеющие политическую мотивацию или политический контекст, нужен определенный, весьма высокий, уровень единства мирового сообщества в осуждении таких актов и готовности к их преследованию. В современных условиях этот уровень не является недостижимым.

Признавая важность концепции пиратства *jure gentium* и конвенционного закрепления понятия пиратства в конвенциях по морскому праву, приходится, тем не менее, констатировать, что такие источники не могут в полной мере заменить собой соглашения, регламентирующие международное сотрудничество с преступностью. Антикриминальные конвенции охватывают те виды преступлений, которые вызывают особую озабоченность международного сообщества. Они увеличивают возможности взаимодействия государств в сдержива-

нии таких преступлений, регламентируют порядок осуществления экстрадиции и других видов взаимной юридической помощи государств по уголовным делам, предусматривают обязательства государств по установлению уголовно-правового запрета криминализации правонарушений и, в общих чертах, формулируют международно-правовые стандарты криминализации.

Действия, составляющие объективную сторону пиратства, не остались вне сферы охвата важных международно-правовых соглашений, которые содержат весьма широкий спектр мер международного сотрудничества в борьбе с этим видом преступности. К ним относятся, прежде всего, две секторальные анти-террористические конвенции: Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, которая была принята 17 декабря 1979 г. и вступила в силу 3 июня 1983 г., и Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, известная как «Римская конвенция», принятая 10 марта 1988 г. (вступила в силу 1 марта 1992 г.).

Дихотомией «пиратство — вооруженный разбой в отношении морских судов» не исчерпываются все варианты международно-правовой квалификации преступлений, состоящих в вооруженном нападении на морское судно, захвате этого судна и лиц, на нем находящихся, в качестве заложников. Захват заложников, вне зависимости от мотивов и места совершения, относится террористическим преступлениям. Следует отметить, что первым международно-правовым соглашением, в котором захват заложников назван преступным деянием, является Женевская конвенция о предупреждении и наказании терроризма 1937 г., которая не вступила в силу [30].

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г. охватывает действия любого лица, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо («заложника») для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц, совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника; а также пытается совершить эти действия или участвует в них в качестве соучастника [31]. Как видим, действия современных морских разбойников вполне соответствуют диспозиции преступлений, на которые распространяется Конвенция.

Захват заложников — наиболее дерзкое и опасное проявление пиратства и морского разбоя. В резолюции 1976 (2011), принятой Советом Безопасности 11 апреля 2011 г., выражается серьезная озабоченность в связи тем, что пираты, действующие у берегов Сомали, все более широко применяют практику захвата заложников и отмечается важность сотрудничества государств-членов в решении этой проблемы [32]. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников позволяет рассматривать действия преступника, который «захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо («заложника»)» как самостоятельное террористическое преступление и применять к нему предусмотренные. В пере-

чень таких мер не входит универсальная юрисдикция, что существенно снижает их эффективность.

Вторым важным антитеррористическим соглашением, которое распространяется на пиратские акции, является Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства [33], заключенная в Риме 10 марта 1988 г. — так называемая «Римская конвенция». В сферу охвата Конвенции, в числе прочего, входят: «действия любого лица, которое незаконно и преднамеренно: а) захватывает судно или осуществляет контроль над ним силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания; или б) совершает акт насилия против лица на борту судна, если этот акт может угрожать безопасному плаванию данного судна...» [34]. Очевидно, что действия, составляющие объективную сторону пиратства, соответствуют этой диспозиции. При этом ни мотивация, ни место совершения преступления не включены в элементы преступлений против безопасности морского судоходства. Эта конвенция, также как и Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, относится к числу секторальных антитеррористических конвенций.

В 2005 г. был принят Протокол к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, который содержит ценные новеллы и существенно расширяет возможности государств в борьбе с преступностью на море. Согласно ст. 15 (1), в отношениях между сторонами Протокола Конвенция и Протокол «рассматриваются и толкуются вместе как единый документ». Знаменательно, что в преамбуле Протокола подчеркивается «важность Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву, принятой в Монтего-Бее 10 декабря 1982 г., и обычного международного морского права». Таким образом, Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, Протокол к ней 2005 г., Конвенция по морскому праву 1982 г. и обычное международное морское право рассматриваются как целостный нормативный комплекс, составляющий основу борьбы с преступлениями против безопасности на море.

В резолюции 65/37 «Мировой океан и морское право», Генеральная Ассамблея ООН, отмечая вступление в силу 28 июля 2010 г. Протокола 2005 г. к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, предложила государствам рассмотреть вопрос о том, чтобы стать его участниками [35].

Нельзя не заметить, что Протокол 2005 г. содержит формулировки, которые не оставляют сомнений в том, что его положения, а также нормы Римской конвенции, которую он дополняет, направлены на борьбу с терроризмом. В числе прочего, в преамбуле Протокола говорится о необходимости «принять дополняющие Конвенцию положения, направленные на пресечение новых жестоких террористических актов против безопасности и защищенности международного морского судоходства и на повышение эффективности Конвенции».

Означает ли это, что акты пиратства следует отнести к проявлениям терроризма или, не будучи террористическими, они не попадают под сферу действия этих важных соглашений? Вопрос о соотношении понятий «терроризм» и «пи-

ратство» заслуживает отдельного рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи. Сейчас лишь заметим, что современное пиратство как особый социально-правовой феномен обнаруживает очевидную связь с терроризмом. Оно использует террор — «устрашение» с целью получения материальной выгоды — выкупа. По способу совершения — захват заложников и захват морского судна — пиратство также соответствует проявлениям терроризма [36].

То обстоятельство, что понятие пиратства конвенционно ограничено личными целями, не является препятствием для применения к нему положений Римской конвенции и Протокола к ней 2005 г. Вопреки распространенному мнению, политические цели не являются обязательным элементом терроризма. Возрастающую опасность приобретает преступная деятельность аполитичных террористических групп — так называемый «уголовный терроризм», который не имеет идеологической направленности и политической мотивации [37]. Указание на личные цели пиратства не исключает возможности его международно-правовой квалификации в соответствии с антитеррористическими соглашениями, которые, по справедливому замечанию М. Л. Энтина, как правило, не принимают во внимание мотивы преступлений [38].

Вместе с тем в антитеррористических конвенциях указывается на устрашающие, то есть «террористические» цели. Учитывая, что действия лиц, захватывающих морские суда, направлены именно на то, чтобы заставить государство, организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц совершить определенные действия (чаще всего, заплатить выкуп), такая целенаправленность вполне соответствует конвенционным характеристикам.

Кроме того, указание «личные цели» как элемент пиратства означает, что действия не санкционированы государством и мотивированы частными, а не государственными, интересами. Такие «частные» интересы вполне могут быть сопряжены с политическими намерениями негосударственных субъектов.

В условиях, когда основная опасность от актов пиратства исходит в ситуациях, в которых «частные» цели тесно переплетены с политическими, а некоторые негосударственные организации соперничают по своей мощи с государствами, критики сформулированного в конвенциях по морскому праву определения пиратства справедливо указывают на неадекватность исключения из этого определения любых проявлений политического экстремизма [39]. Так, А. Чатурведи рассматривает пиратство и терроризм как две стороны одной медали, составляющие единое целое, полагая, что к терроризму на море следует подходить как к проблеме, связанной с пиратством. «Вопреки распространенному мнению, что пираты действуют с единственной целью наживы, многие современные пираты, как и террористы, имеют далеко идущие политические цели. На практике границы между этими явлениями зачастую оказываются размытыми. Разобраться, где терроризм, а где пиратство, становится все сложнее. Особенно в Сомали, где между пиратами и террористическими организациями давно существуют прочные связи», — пишет А. Чатурведи [40]. Нередко захват судов и получаемый преступниками выкуп являются источником финансирования терроризма [41].

Таким образом, Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, и Международная конвенция о борьбе с захватом заложников занимают заметное место в системе международного сотрудничества в борьбе с пиратством.

Важным элементом этой системы является также Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, которая была открыта для подписания Генеральной Ассамблеей ООН резолюцией 55/25 от 15 ноября 2000 г. [42]. Эта конвенция — уникальное международное соглашение, формирующее широкие рамки кооперации государств в противодействии транснациональной организованной преступности, одной из опасных форм которой, вне всякого сомнения, является насилие на море.

Для определения сферы применения Конвенции в части, касающейся предупреждения, расследования и уголовного преследования транснациональное организованное преступление — это «серьезное преступление» (то есть преступление, наказуемое лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания), имеющее транснациональный характер и совершенное при участии организованной преступной группы, действующей с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду.

Посредством определения организованной группы как действующей «с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду», Конвенция исключает из понятия «транснациональное организованное преступление» демонстративно политические акции, не преследующие никаких прагматических целей. Пиратские акции могут объясняться любыми мотивами и иметь политический контекст, однако очевидно, что, требуя выкуп за захваченных заложников, морское судно и находящийся на нем груз, пираты действуют «с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду». На какие цели будет направлена полученная материальная выгода, в данном случае не имеет юридического значения. Все меры международного сотрудничества в противодействии транснациональной организованной преступности, в том числе, в части экстрадиции, могут распространяться на пиратство и применяться в отношениях между государствами-участниками Конвенции.

Наличие нескольких важных международных соглашений, формирующих сложный договорный механизм борьбы с пиратством, не гарантирует, к сожалению, эффективности такого механизма. Участие государств в этих договорах необходимо, но не достаточно. Возрастающая активность пиратов и обескураживающее бессилие мирового сообщества в борьбе с этим злом очевидно свидетельствует о необходимости принятия новых решений, которые позволили бы обеспечить безопасность морского судоходства и защитить лиц, находящихся на морских судах, от угрозы насилия и унижения человеческого достоинства.

В этой связи целесообразным представляется неотложное принятие международной конвенции, которая объединяла бы в себе концепцию пиратства как основы универсальной юрисдикции, содержащуюся в международно-правовом

обычае и, в определенной мере, отраженную в Конвенции об открытом море 1958 г. и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., с потенциалом международно-правовых соглашений по борьбе с преступностью. В такой конвенции должно быть сформулировано понятие пиратства и вооруженного разбоя в отношении морских судов как международно-правового стандарта их криминализации, разрешены ставшие «камнем преткновения» юрисдикционные вопросы, в том числе включено обязательство универсальной юрисдикции, установлен порядок взаимодействия государств в обеспечении привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, пресечении и предупреждении преступного насилия на море.

Создание эффективного договорного механизма противодействия морской преступности является одной из наиболее актуальных и сложных задач, стоящих перед современным международным правом.

Литература

1. Engdahl O. Protection of personnel in peace operations: the role of the «safety convention» against the background of general international law / O. Engdahl. — Martinus Nijhoff, 2007. — P. 38 ; Gilbert G. Responding to international crime / G. Gilbert. — Martinus Nijhoff, 2006. — P. 91 ; Werle G. Principles of international criminal law / G. Werle, F. Jessberger. — Cambridge : Cambridge University Press, 2005. — P. 59 ; Simbeye Y. Immunity and International Criminal Law / Y. Simbeye. — Ashgate, 2004. — P. 41-42.
2. Bassiouni M. C. International Criminal Law Conventions and Their Penal Provisions / M. C. Bassiouni. — Transnational Publishers Inc., 1997.
3. Molloy Ch. De jure maritimo et navali: or, a treatise of affairs maritime and of commerce / Ch. Molloy. — London : J. Walthoe junior, J. Wotton, 1722 ; Dickinson S. N. The Pirates own book; or, Authentic narratives of the lives, exploits, and executions of the most celebrated sea robbers: With historical sketches of the Joassamee, Spanish, Ladrone, West India, Malay, and Algerine pirates / S. N. Dickinson. — F. Blake, 1855. — Original from the New York Public Library 2009.
4. Bishop J. P. Commentaries on the criminal law. Vol. 2 / J. P. Bishop. — Edit. 4th. — Little, 1868. — P. 559.
5. Захаров Н. А. Курс общего международного права / Н. А. Захаров. — Петроград, 1917. — С. 232.
6. Noyes J. E. An Introduction to the International Law of Piracy // California Western International Law Journal. — 1990. — N 21. — P. 109-110.
7. Draft Provisions for the Suppression of Piracy. League of Nations Committee of Experts for the Progressive Codification of International Law // League of Nations. 1927. — Doc. C.196. M.70.1927. V. 116.
8. Harvard Research in International Law. Draft Convention on Piracy with Comments // The American Journal of International Law. — 1932. — Vol. 26. — P. 739-885.
9. Geiss R. Piracy and Armed Robbery at Sea: The Legal Framework for Counter-Piracy Operations in Somalia and the Gulf of Aden / R. Geiss, A. Petrig. — Oxford : Oxford University Press, 2011. — P. 38-39.
10. Dubner B. H. The law of international sea piracy / B. H. Dubner. — The Hague ; London : Nijhoff, 1980.
11. The Nyon Agreement, 181 L.N.T.S. 137, entered into force Sept. 14, 1937 // <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/1937a.htm>.
12. Agreement supplementary to The Nyon Agreement, 181 L.N.T.S. 137, entered into force Sept. 17, 1937// <http://www1.umn.edu/humanrts/instree/1937a.htm>.
13. Док. ООН A/CN.4/SR.290 ; док. ООН A/CN.4/SR.292.
14. Johnson D. H. N. Piracy in Modern International Law // Transactions of the Grotius Society. — 1957. — Vol. 43. — P. 63-65.

15. Barrios E. Note, Casting a Wider Net: Addressing the Maritime Piracy Problem in Southeast Asia // *Boston College International & Comparative Law Review*. — 2005. — N 28. — P. 149, 153.
16. Guilfoyle D. Treaty Jurisdiction over Pirates: A Compilation of Legal Texts with Introductory Notes Prepared for the 3rd Meeting of Working Group 2 on Legal Issues the Contact Group on Piracy off the Coast of Somalia / D. Guilfoyle. — Copenhagen, 2009. — 75 p.
17. Rubin A. P. The law of piracy / A. P. Rubin. — University Press of the Pacific, 2006.
18. Noyes J. E. An Introduction to the International Law of Piracy // *California Western International Law Journal*. — 1990. — N 21. — P. 105.
19. Зелинская Н. А. Транснациональное преступление и транснациональное право // *Актуальні проблеми політики*. — О., 2002. — Вип. 15. — С. 287–293.
20. Lehr P. Violence at sea: piracy in the age of global terrorism / P. Lehr. — Routledge, 2007. — P. 166.
21. Комиссия по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Вена, 11–15 апреля 2011 года. Борьба с морским пиратством в районе побережья Сомали. Доклад Директора-исполнителя. — E/CN.15/2011/18. — П. 5.
22. Guilfoyle D. Treaty Jurisdiction over Pirates: A Compilation of Legal Texts with Introductory Notes Prepared for the 3rd Meeting of Working Group 2 on Legal Issues The Contact Group on Piracy off the Coast of Somalia. — Copenhagen, 2009. — P. 2.
23. Code of practice for the investigation of crimes of piracy and armed robbery against ships // International Maritime Organization. Resolution A.1025(26). Adopted on 2 December 2009 (Agenda item 10). — Doc. A 26/Res.1025. 18 January 2010.
24. Art. 2 (2): «Armed robbery against ships» means any of the following acts: any illegal act of violence or detention or any act of depredation, or threat thereof, other than an act of piracy, committed for private ends and directed against a ship or against persons or property on board such a ship, within a State's internal waters, archipelagic waters and territorial sea»; «any act of inciting or of intentionally facilitating an act described above».
25. www.recaap.org/index_home.html.
26. The Djibouti Code of Conduct concerning the Repression of Piracy and Armed Robbery against Ships in the Western Indian Ocean and the Gulf of Aden // Sub-regional meeting on maritime security, piracy and armed robbery against ships for Western Indian Ocean, Gulf of Aden and Red Sea States. Resolution 1 // <http://www.imo.org/OurWork/Security/PIU/Pages/DCoC.aspx>.
27. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Док. ООН S/2009/590. 13 ноября 2009 г. Доклад Генерального секретаря, представленный во исполнение резолюции 1846 (2008) Совета Безопасности. — П. 38–40.
28. Green L. C. The Santa Maria: Rebels or Pirates? // *British Yearbook of International Law*. — 1961. — N 37. — P. 496.
29. Lanham H. Walk the Plank: Somali Pirates and International Law / H. Lanham. — University of Otago. — 2009. — P. 18–19.
30. Овчинникова Г. В. Захват заложника: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы / Г. В. Овчинникова, М. Ю. Павлик, О. Н. Коршунова. — С.Пб., 2001. — С. 21.
31. Горбунов Ю. С. Международно-правовое регулирование борьбы с захватом заложников // *Московский журнал международного права*. — 1993. — № 3. — С. 22–35; Оганян Р. Ответственность за захват заложников по международному уголовному праву // *Российская юстиция*. — 2002. — № 5. — С. 45–46; Шишов О. Ф. Уголовная ответственность за терроризм и захват заложников // *Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью*. — Краснодар, 2000. — С. 142–146.
32. UN. Doc. S/RES/1976 (2011).
33. United Nations. Treaty Series. — 1992. — P. 249–261.
34. Куликов С. Р. Международно-правовое регулирование антитеррористической деятельности государств в Мировом океане // *Юридическая мысль*. — 2003. — № 1 (14). — С. 76–80; Куршев М. Международные проблемы борьбы с морским пиратством // *Уголовное право*. — 2001. — № 14. — С. 105–107.
35. UN Doc. A/65/37. — Para. 98.
36. Ronzitti N. *Maritime Terrorism and International Law* / N. Ronzitti. — Martinus Nijhoff Publishers, 1990.
37. Дремин В. Н. Террористическая деятельность организованных преступных групп // *Весы Фемиды*. — 1998. — № 2. — С. 11–14.

38. Энтин М. Л. Международное сотрудничество в борьбе с терроризмом: причины низкой эффективности международно-правового регулирования, пути и перспективы ее повышения // Советский ежегодник международного права, 1988. — М., 1989. — С. 127.
39. Halberstam M. Terrorism on the High Seas: The Achille Lauro, Piracy and the IMO Convention on Maritime Safety // The American journal of international law. — Vol. 82. — P. 269, 272; Keith M. War, Piracy and Terror : the High Seas in the 21st Century // The Journal of International Maritime Law. — 2006. — Vol. 12, issue 5. — P. 313–324.
40. Chaturvedi A. Navy Two Faces of High-Seas Crime // Proceedings Magazine. — 2010. — Vol. 136/7/1,289. — <http://www.usni.org/magazines/proceedings/2010-07/two-faces-high-seas-crime>.
41. Guilfoyle D. Shipping Interdiction and the Law of the Sea // Cambridge Studies in International and Comparative Law. — Cambridge, 2009. — Vol. 63. — P. 3.
42. UN Doc. A/RES/55/25. — Add. I.

Аннотация

Зелинская И. А. Морское пиратство как конвенционное преступление. — Статья.

Пиратство, являясь классическим международным преступлением *jure gentium*, на которое распространяется универсальная юрисдикция согласно международно-правовому обычаю, в то же время является транснациональным конвенционным преступлением, относительно которого действуют договорные международно-правовые нормы. В статье анализируются основные характеристики конвенционного определения пиратства, рассматриваются положения многосторонних договоров, в сферу охвата которых входят действия, которые могут быть квалифицированы как пиратство. Наличие важных международных соглашений, формирующих сложный договорный механизм борьбы с пиратством, по мнению автора, не гарантирует эффективности такого механизма. Принятие универсальной международной конвенции в отношении пиратства является неотложной задачей, стоящей перед мировым сообществом.

Ключевые слова: пиратство, вооруженный разбой в отношении морских судов, конвенционное преступление, транснациональное преступление, универсальная юрисдикция.

Анотація

Зелінська Н. А. Морське піратство як конвенційний злочин. — Стаття.

Піратство, будучи класичним міжнародним злочиним *jure gentium*, на який поширюється універсальна юрисдикція згідно з міжнародно-правовим звичаєм, в той же час є транснаціональним конвенційним злочиним, щодо якого діють договірні міжнародно-правові норми. У статті аналізуються основні характеристики конвенційного визначення піратства, розглядаються положення багатосторонніх договорів, до сфери охоплення яких входять дії, що можуть бути кваліфіковані як піратство. Наявність важливих міжнародних угод, які формують складний договірний механізм боротьби з піратством, на думку автора, не гарантує ефективності такого механізму. Прийняття універсальної міжнародної конвенції щодо піратства є невідкладним завданням, що стоїть перед світовою спільнотою.

Ключові слова: піратство, збройний розбій щодо морських суден, конвенційний злочин, транснаціональний злочин, універсальна юрисдикція.

Summary

Zelinskaya N. A. Maritime Piracy as a Treaty Crime. — Article.

Piracy, being a classic international crime *jure gentium* and a subject to universal jurisdiction under international customary law, at the same time, is a transnational treaty crime prohibited by the treaty norms of international law. The author analyzes the main characteristics of the conventional definition of piracy, considers the related provisions of multilateral treaties, which cover actions that can be qualified as piracy. The author argues that the existence of important international agreements, which form a complex treaty mechanism of piracy counteraction, does not guarantee the effectiveness of this mechanism. Thereby the adoption of a universal international convention against piracy is an urgent task facing the international community.

Keywords: maritime piracy, armed robbery against ships, treaty crime, transnational crime, universal jurisdiction.